

A watercolor illustration of a man and a woman in a field. The man, with reddish hair, is sitting on the ground leaning against the trunk of a tree with pink blossoms. He is wearing a blue jacket and jeans. The woman, with curly brown hair, is standing next to the tree, wearing a long purple dress and holding a purple book. The background is a soft-focus landscape with green grass and a hazy sky.

Из страниц чуждой
реальности

Ю. В. Вдовина

16+

Юлия Вдовина

Из страниц чужой реальности

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57106855

SelfPub; 2021

Аннотация

История начинается с рассказа о жизни девушки-провинциалки Инны, последовавшей из Китая за возлюбленным на его Родину – в Индию, где стала дрессировщицей слонов в весьма успешном цирке. Однако всё ли так просто и банально, как это видится на первый взгляд? Останется ли Инна главной героиней или ей придётся уступить место брату-учителю, волей учёного Александра попавшего в прошлое? Для подготовки обложки издания использована работа Кристины Мекк.

Содержание

1 часть.	4
I	4
II	9
III	13
2 часть.	19
I	19
II	25
III	31
IV	39
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Юлия Вдовина

Из страниц чужой реальности

1 часть.

I

На календаре, висевшем в весьма необычном кабинете – полупустом и с кислотно-жёлтыми стенами, на которых красовались адски-огненные пустые рамки для фотографий – была ярко выделена цифра пятнадцать восьмого месяца. У каждого жителя Индии (даже необразованного) это число ассоциировалось с долгожданной победой и вновь обрётённой свободой. Директор довольно прибыльного цирка, Амрит, планировал отпраздновать День Независимости как положено: вначале на главной площади города среди ликующих соотечественников, а затем – с национальными блюдами за семейным ужином. Однако даже такой светлый день омрачился воспоминанием об увольнении пользующейся большим успехом у публики русской артистки Инны. Подходила к концу её двухнедельная отработка, что в будущем, как

считал Амрит, непременно приведёт сначала к спаду продаж недешёвых билетов, а позже – к полному краху. Вероятно, не всякий в Индии был бы так подавлен уходом дрессировщицы слонов, как директор Бангалорского цирка, славящийся своим делом. Инна оставалась одним из последних работников разоряющегося купола (остальных циркачей перекупил певец Джимми, завидовавший во всём Амриту ещё со школьной скамьи).

Но мы оставим несчастного предпринимателя разбираться с финансовыми и, как вытекающее, семейными проблемами и перенесёмся в аэропорт Бангалора, где уже безработная Инна ожидала свой рейс до Москвы, откуда полетит в родной город F к брату.

Что побудило двадцатичетырёхлетнюю (и весьма амбициозную) девушку вернуться из многомиллионного города Индии в провинциальный городок на северо-западе России? Поводом послужило недавнее известие с малой родины о свадьбе мужчины, некогда клявшимся Инне дождаться её из двухнедельного отпуска в Китае. По правде говоря, отчасти в этом есть вина и самой циркачки: короткая поездка в Поднебесную плавно превратилась в полугодовое проживание в стране, давным-давно описанной Афанасием Никитиным.

История крайне занимательная: на десятый день путешествия по Китаю Инне выпала возможность присоединиться к группе туристов из Великобритании. С языком проблем не возникло – вечерние посиделки за книгами брата-учите-

ля уже не раз спасали девушку за границей. Заведя знакомство с многочисленными Джонами, Инна решила отыскать в толпе хотя бы одну женщину. Судьба свела её с Эммой из Глазго, которая вечером того же дня в баре представила новую подружку своему возлюбленному. По стечению обстоятельств, молодой человек Эммы пригласил Инну на свою Родину – в Индию. Туристке из небогатой семьи перспектива съездить в другую страну за чужой счёт показалась заманчивой. Через два дня на рейс Шанхай-Бангалор был приобретён ещё один билет.

Не будем вдаваться в подробности регулярных измен легкомысленного мужчины, а сразу минуем один месяц. Денежные запасы Инны иссякали, и каждая местная жительница, приглашавшая иностранку на танцы, слышала лишь одну фразу: «I'm broke»*.

Инна, будучи девушкой, как она сама заявляла на каждом собеседовании, «resourceful»**, на одной из таких встреч до того расхвалила себя в качестве первоклассной дрессировщицы, что один из мелких владельцев цирка, Амрит, не смог устоять перед феноменальным талантом. Однако Инну не предупредили, что дрессировать придётся не божьих коровок, что она часто с переменным успехом делала в пять лет на даче, а настоящих слонов перед относительно широкой публикой.

Около трёх месяцев Инна заканчивала рабочий день с отметинами от плети, поставленными самостоятельно. Слу-

чайно, конечно. Разумеется, непрофессионализм не оставался незамеченным начальником, и над девушкой, ежедневно облагаемой штрафами, нависла угроза увольнения. К счастью, на четвёртый месяц проживания всё стало налаживаться: даже удалось купить новый телефон (старый она выкинула ещё на сотовом пропущенном от назойливого поклонника Андрея).

Получив в один день сообщение от старшего брата о свадьбе Андрея с однокурсницей, Инна, несмотря на воцарившуюся стабильность в жизни, побежала писать заявление. Её женское самолюбие было задето.

А теперь обратимся ко времени настоящему. Полёт до F прошёл без каких-либо казусов, не считая типичных происшествий. Как обычно, кому-то понадобилось пронести на борт несколько литров алкоголя внутри себя.

Что касается самой девушки, она сразу заметила своего соседа у окна, что-то безустанно записывающего. Ей удалось разобрать лишь пару слов: эксперимент и машина. «Какой-то учёный, что ли?», – думала Инна, слегка наклонив голову в попытках разглядеть другие фразы в неряшливом почерке. «Хотя... слишком уж молод для учёного», – но темноволосый мужчина заметил изучающий взгляд соседки и, слегка улыбнувшись ей полными губами, закрыл тетрадь.

Выбравшись из самолёта, Инна вскоре нашла такси. «Даже не приходится торговаться...» – воспоминания о шумных базарах в Индии погружали бывшую циркачку, придержива-

ющую ручку двери, в приятную ностальгию.

С обратной стороны к машине спешно подошёл невысокий человек и сел в неё. Инна, распрощавшись с воспоминаниями, ошарашенно следила за опустившим ручник водителем.

– Эй, – стекло старенькой «Жигули» едва не треснуло от напора прибывшей туристки, – Вы же меня везёте!

– Девушка, – таксист, во избежание покупки нового окна, приспустил его, – не колоти! – усатый мужчина пятидесяти лет возмущённо размахивал руками. – Я Вас звал-звал, звал-звал, а Вы хи-хи да ха-ха. Добрый человек предложил цену в два, – на этом слове он сделал особый акцент, приподняв указательный палец кверху, и кивнул на заднее сиденье, – раза больше.

– Вы можете поехать со мной, – в окне показалось знакомое круглое лицо, как предположила ранее Инна, учёного. Он улыбался во все тридцать два.

Девушка попятит хмурый взор в другую сторону, чтобы убедиться в отсутствии свободных машин. Инна села в «Жигули», предварительно смерив взглядом вышедшего из такси водителя. Мужчина, что-то озлобленно прошептав на незнакомом языке, положил огромные чемоданы в багажник.

II

«С двумя мужиками в раннее безлюдное утро... чем я думала?» – после этой мысли загоревшая кожа приобрела на удивление бледный оттенок. Девушка, предвидя любой исход, решила не устраивать сюрприз и предупредить брата о своём возвращении: «*Я уже на шоссе. Через десять минут буду у дома. Наверное*. Отправить. Теперь он знает мою геолокацию... Можно немного расслабиться», – она мельком глянула в окно и прикрыла глаза.

Долго размышляя о том, куда этот безудержно болтающий о своей Родине таксист её привезёт, Инна не заметила, как автомобиль остановился. К её счастью, серебристая шестёрка встала у нужного подъезда.

– Платите Вы, – Инна недовольно, даже с аффектацией некоторого раздражения, обратилась к незваному попутчику, произнёсшему в начале дороги всего два слова: «Я Александр». Бывшая циркачка боялась только двух вещей: оказаться в одной машине с незнакомыми людьми и быть укушенной домашней змеей Амрита. Александр радушно посмотрел на спутницу голубыми глазами и убрал в пальто небольшой блокнот, в который всё время что-то записывал.

– Конечно, – усмехнувшись, он достал из широкого кармана брюк сторублёвую купюру. – Всего доброго!

Разумно предположить, что прощание было адресовано

устало зевающей Инне, мечтающей о тёплом душе и горячем кофе, однако неверно. Предполагаемый учёный достал из исцарапанного багажника три чемодана: все принадлежали дрессировщице. Она, поражённая и восхищённая таким поступком, радостно схватила свои вещи, не рассчитывая, что таксист уедет, не забрав Александра.

– И что это значит? – эмоции на лице Инны сменялись слишком быстро: тонкие губы то кривились в натянутой улыбке, то напряжённо сжимались.

– Мне негде жить, – с полным спокойствием заявил Александр, приглаживая тёмно-каштановые пушистые волосы.

В железных дверях подъезда показался человек, который, будь он в Японии, не уместился бы ни в одной средней кровати.

– Инночка! – наконец, загорелся фонарь, который опять забыл включить дворник Яша, сохранивший свою должность лишь потому, что был тестем начальника ЖЭКа. Высокий худой мужчина вышел из тени, лучезарно улыбнулся и крепко обнял девушку, казавшуюся на его фоне лилипутом. – Я так скучал!

– Лёва! Отпусти! – Инна недовольно похлопала брата по широкой спине. Лев отступил от сестры и робко, почти по-детски смущённо отвернув голову, усмехнулся.

– Вас проводить? – мужчина, обративший внимание на преспокойно поправлявшего очки с фиолетовой оправой кудрявого попутчика сестры, заговорил с ним вежливо, но

отнюдь неприветливо.

Лев не жаловал ухажёров сестры, ежедневно проводящих часы под окнами её (по совместительству и его) квартиры (и не понимал, действительно ли обожатели Инны ожидали покорить её своим кошачьим визгом, который они называли пением). Он часто пытался заводить с Инной беседы на эту тему, впрочем, каждый раз прерывал себя на полуслове, завидев хмурый и недовольный взгляд девушки. Лев никогда не шёл никому наперекор, что очень мешало ему в работе. Будучи преподавателем, мужчина понимал, что сдержанность и податливость негативно сказываются на его авторитете среди учеников (особенно наглых одиннадцатиклассников, не упускающих возможность подтрунить над молодым учителем, покорно выслушивающим все шутки, часто переходящие в откровенное унижение), однако не мог с собой ничего поделать. Иногда Лев жалел, что преподаёт французский и немецкий, а не физкультуру или труд, вызывающих бесконечный интерес у школьников, беспрекословно подчиняющихся распоряжениям наставников. Вместо того чтобы воспользоваться советами коллег, пользующихся большим уважением, он целыми днями проверял тетради с корявыми сочинениями вроде «Was ich während meiner Sommerferien getan habe»* и «Qui vous drais-je être?»** – учения его покойных родителей о послушании и покорности слишком крепко засели в голове. Но, несмотря на все недостатки, он любил свою работу.

– У меня нет дома, – Александр беззаботно пожал угловатыми плечами, вызвав тем самым бурю эмоций на лице и Инны, и её брата.

Лев, поджав губы, внимательно оглядел незнакомца со всей присущей учителю пристальностью, будто ища шпартгалки там, где их быть не должно и не может.

– Постелю на балконе, – даже зная нелюбовь сестры к незванным гостям, он не смог отказать. Подхватив чемоданы, Лев быстро зашагал, указывая дорогу прибывшим жильцам.

III

Инна и Лев сидели на небольшой задымлённой кухне за квадратным столом, плотно прижатым к голой серой стене, дожидаясь гостя. Маленькая комната была безвкусно заставлена различной мебелью и вещами: миниатюрные деревянные табуретки соседствовали с массивными железными тумбами, а завешанный магнитами холодильник заслоняла груда сваленных книг с иностранными названиями, оставляя неширокий проход.

– Почему ты не меняешь числа на календаре? Сегодня шестнадцатое августа, – Инна перекинула оголённую ногу на другую и, сделав ещё одну затяжку, стряхнула пепел от тонкой сигареты в прозрачное блюдце.

– Давно ты куришь? – Лев неприязненно поморщился, вдохнув дым с привкусом мяты.

– Класса с десятого. Хорошо скрывала, раз ты узнал только сейчас, – она, отложив сигарету, короткими пухлыми пальцами передвинула «окошко» с пятого декабря на нужную дату. – Что ты натворил с квартирой? – девушка с ужасом осматривала захламлённую кухню узкими карими глазами, округляющимися от удивления до размера пятирублёвой монеты. – Где обои?

– Я решил устроить небольшой ремонт, пока тебя не было, – не переставая помешивать ложкой в голубой со свинка-

ми чашке-супнице сахар, ответил подходящий к застеленному бежево-жёлтой скатертью в клетку столу мужчина. – Увы, je n'arrive pas à finir ce travail*.

– Сколько можно просить не отвечать по-французски. Я ни слова не понимаю, – на строгое замечание сестры мужчина покорно кивнул, оправдав себя профессиональной деформацией, – мог бы давно закончить. Меня не было полгода.

– Хотя уезжала ты на две недели, – Лев присел. – Я же не возмущаюсь, – и с ухмылкой опёрся щекой на правый кулак. – Андрюшка очень расстроился. Он попросил отдать твой альбом с детскими фотогра...

– И ты отдал? – Инна, перебив брата, сердито посмотрела на него, нервно подёргивая тонким носом с горбинкой.

– Я отказывал, но он так слёзно упрашивал, что мне стало его жаль, – избавившись от ухмылки, Лев понуро уставился в супницу, из которой достал чайную ложку и отряхнул её от капель чая.

– Ты просто безвольный дурак! Сколько я тебя просила не пускать этого Андрея на порог дома? – Лев терпеливо выслушивал разгорячившуюся сестру, размахивающую руками.

– Инночка... – мужчина ловко перехватил ладонь в воздухе, аккуратно положив её на чистую скатерть, – Прости, – от мягкого, почти гипнотизирующего голоса Инна успокоилась, глубоко вдохнула и скрестила пальцы с пальцами Льва. – Он три дня назад женился, ты больше никогда его не

увидишь. Я так счастлив, что ты здесь, и...

– Кстати, поэтому я и приехала. Кто его жена? – не дослушав мужчину, девушка уверенно и твёрдо задала поставивший Льва в ступор вопрос.

– Зачем?.. – он негодуяюще изогнул тёмную широкую бровь.

Инна хотела ответить про задетую гордость и желание образумить «эту несчастную», но в дверь кухни постучали.

– Кажется, твой друг, – Лев медленно убрал руку и выпрямил спину, чтобы казаться чуть уверенней. – Войдите!

– Он не мой друг, – впалые щёки артистично надулись. – Если бы у меня была машина времени, я бы непременно вернулась на два часа назад и осталась бы в аэропорту до полудня, чтобы не ехать с этим... Александром.

– Интересно... – пробурчал себе под короткий нос картошкой вошедший Александр. – А если бы Вы могли вернуться на более ранний промежуток? Скажем, лет на двести назад, – его маленький лоб покрылся капельками пота.

– Такое не по мне, – девушка, недовольно фыркнув, встала из-за стола. – Я пойду спать, – её совершенно не привлекала перспектива ведения дискуссии о чём-либо с человеком, нарушившим её покой своим присутствием. Она вообще не жаловала незнакомцев в своём доме.

– Лев, а что думаете по этому поводу Вы? – взволнованный гость немедленно занял место Инны. Он дрожащими руками достал тряпочку и протёр запотевшие очки.

– Я бы не согласился. Зачем оно мне? Здесь дорогая Инночка, любимая, пусть иногда и изнуряющая, работа, а там что? Незнакомые люди, непонятные нравы и порядки... сплошной стресс, – Лев застучал пальцами по столу, представив себе другую жизнь, не ту, к которой привык.

– Как замечательно, что Вы завели этот разговор! – зрочки Александра расширились настолько, что из-за них едва можно было разглядеть голубую радужку.

– Но ведь это Вы на... – оказавшись перебитым теперь уже Александром, Лев едва заметно вздохнул и сильнее застучал по скатерти.

– Я вывел гипотезу: попадая в прошлое, человек полностью теряет свой привычный облик. Он «облачается» в тело предка, представляете?! – Александр возбуждённо привстал, наваливаясь корпусом на стол. Лев отодвинул едва не опрокинувшуюся кружку сестры с жёлтыми утками.

– Какого конкретно? – хозяину квартиры хотелось показаться заинтересованным и дружелюбным – всё, как учили родители.

– Любого! Абсолютно любого! Я допускаю, что, попав в прошлое, Вам даже не придётся привыкать к новому имени. Всё зависит от периода и родословной, – Александр становился всё оживлённей и оживлённей.

– Ничего удивительного: всех старших сыновей в моей семье по линии отца называли Львами. Такая уж традиция.

– Традиция? Давно она у вас? – Александр, в отличие от

Льва, слушал с искренней заинтересованностью и желал разузнать как можно больше.

– С конца восемнадцатого века, – Лев пригубил чай. – Папа рассказывал, что в годах девяностых с моим прадедом, Кульневым Львом Петровичем, что-то произошло и он умер, а через полгода у него родился сын. Дань памяти, наверное.

– У Ваших предков никогда не было семей без сыновей? – Александр пригладил взъерошенные волосы.

– Рожали до тех пор, пока не родится мальчик, чтобы назвать его Львом, – Лев звонко засмеялся, но, услышав стук кулаком за стенкой, издаваемый сестрой при недовольствах, замолчал.

– Странный у Вас юмор. И что же, Вы знаете биографии всех ваших прадедов?

– Нет, только ближайших. Я отечественную-то историю знаю на базовом уровне – конечно, гордиться здесь нечем – что уж говорить о семейной. Хотя у нас и хранится много дневников жены Льва Петровича (Уля, Оля?). Я ни один не читал.

Александр что-то пробормотал, но Льву не удалось разобрать ни слова. Гость уставился в стену, а хозяин маленькой двухкомнатной квартирки положил в широкую чашку-супницу ещё один кубик сахара. В воздухе повисло угнетающее молчание.

– Я хочу попросить Вас посмотреть время на моих часах, – гость невероятно быстро вышел из состояния задумчивости.

Он пристально смотрел на вновь подавившегося Льва. – Вам нужно быть осторожней.

– Вы не можете это сделать самостоятельно? – Лев подозрительно взглянул на просящего, будто тот был «сделавшим задание в другой тетради».

– Я Вас умоляю, Лев Львович, – было ясно, что «молящий» готов встать на колени, что вовсе не устраивало сердобольного и податливого Льва.

Александр на удивление скоро менялся в настроении: за пару секунд из горячо заинтересованного он становился задумчивым, из задумчивого – волнующимся.

– Ну, давайте, – хозяин с опасением протянул длинную руку. Александр запутался в собственном кармане мешковатых штанов, из которого посыпалась вся мелочь. Ладонь слегка подрагивала, передавая странное устройство с циферблатом и двумя кнопками.

– На левую, пожалуйста.

Лев ещё раз покосился на Александра.

2 часть.

I

В глаза ударил неестественно яркий свет, а в ушах жутко шумело.

– Лев Петрович! – тело качалось под чьим-то напором; незнакомый женский голос звучал всё громче. – Réveillez-vous! Seigneur, faites qu'il s'en sorte!*

Голова страшно гудела и раскалывалась так, что кроме этой боли понять ничего было нельзя.

Льву совершенно не хотелось открывать глаза, но кто-то сильно ударил его по щеке, отчего он живо подпрыгнул.

– Himmelherrgott!** – Лев отряхнул тёмно-синие кюлоты.

Он почти никогда не ругался на русском языке, чтобы не возникало вопросов ни у учителей, ни у учеников, однако находились и те, кто его понимал.

– Ваше счастье, что папенька не знает по-немецки, – прошептал тот же приятный голос.

Оглянувшись, Лев увидел вокруг толпу людей. Большая часть выглядела неопрятно: одежда их была во множестве заплаток, а волосы – грязные и неухоженные – местами поредели до плечи. Рядом замерла невысокая девушка в лёгком розовом платье с полупрозрачными рукавами, подпоя-

санном прямо под небольшой грудью.

«Это она со мной говорила?» – Лев пристально всматривался в большие яркие глаза, переводя взгляд то на разломатившиеся каштановые локоны, то на пухловатые щёки, запылавшие розоватым румянцем.

– Лев Петрович! Миленькой, как я счастлив, что Вы не расшиблись! – толстый мужчина в бледно-зелёном камзоле презрительно глянул на кого-то в толпе зевак и пискляво заверещал: – Выпороть!

Двое крепких бородатых мужчин в подвязанных серых рубахах под руки вывели мальчика-подростка в такой же бедной одежде, воющего от боли и не прекращающего выкрикивать «помилуй, барин, помилуй!». Из толпы выбежала худощавая заплаканная женщина в платке в крупный цветок и бросилась в ноги толстяку. Своими бледными и тонкими губами она целовала чёрные ботинки, а пороссячи глазки их обладателя сверкали от подобного жеста.

Лев обескураженно наблюдал за происходящим. Девушка в розовом платье подбежала к здоровяку и затрясла его руку.

– Дяденька! Умоляю, отпустите Егорку! Он ведь не специально сбил Льва Петровича! Дяденька! – уговоры оказались бессмысленны – названный дяденькой гадко рассмеялся.

– Юленька, этому хаму лишь на пользу пойдёт наказание! – он ещё сильнее залился гнусным хохотом.

– Да неужели Вас приводят в восторг унижения?! – девушка беспокойно взяла за локоть рыдающую на траве жен-

щину и сказала ей бежать за сыном.

Дядя, придерживаясь за свой толстый живот, едва скрывающийся под одеждой, старался не свалиться с коротеньких ног от смеха.

«Ну и мерзавец! – Лев с изумлённым видом оторопело сделал шаг назад. – Что за странный сон?»

– Довольно, Юлия. Знай меру в общении со старшими, – раскатистый бас вмиг привёл девушку в чувство. Она вытерла слёзы с почти фарфоровой щеки тонкими пальцами с выпирающими костяшками.

– Простите, папенька, – Юлия виновато сделала изящный книксен стоящему напротив мужчине. Они были невероятно похожи. У отца девушки были короткие тёмно-каштановые волосы, светло-голубые глаза и округлый подбородок. Заметно отличался он от дочери только более смуглой кожей и высоким (по сравнению с ней) ростом.

«Что это за первобытное общество?» – Лев испуганно втянул голову в плечи.

– А вы что смотрите, шантрапа? Живо по полям! – дыхание говорившего замедлилось, зрачки расширились, а между бровями возникли глубокие морщины. Он грозно ударил чёрной тростью об землю, крепко схватившись за инкрустированную драгоценными камнями ручку.

– Благо, что Николай не наблюдает сего, – пробурчал третий мужчина в компании, стоящий ко Льву ближе всех – с козлиной бородой и острыми чертами лица.

Толпа неряшливых людей немедленно разбежалась, и всё внимание оставшихся вновь оказалось приковано к пострадавшему.

– Лев Петрович, Вы в норме? – вопрос был равнодушно задан отцом Юлии. Он пригладил свои чёрно-седые волосы и поднял голову к небу.

– Я... – Лев растеряно хлопал ресницами. – «Я должен ответить. Соберись! Это же взрослый человек – я не имею права молчать. Боже, я, двадцативосьмилетний мужчина, не могу ничего сказать!».

Не дождавшись ответа пошатывающегося Льва, отец Юлии продолжил говорить:

– Скоро начнётся дождь, – мужчина пристально глянул на толстяка. – Не стоит ли нам вернуться?

«Куда вернуться? Откуда? – Лев отрешённо смотрел по сторонам, задерживая нервный взгляд то на разваливающимися избушками, покрытых соломой, и на пастбищах с коровами, то на компании из трёх мужчин, разодетых в костюмы с высокими воротами, какие раньше Лев видел только в Историческом Музее, и единственной девушке среди них – молоденькой и симпатичной, мечтательно вздыхающей Юлии, – Я сплю. Когда я успел уснуть? Только что сидел за столом, пил чай, говорил с Александром... Он дал мне какие-то часы... Может, это был электрошокер? – Лев опустил нерадостный взгляд на землю. – Боже, только бы Инна была в порядке! Впустил на свою голову, – мужчина нервно стучал пальцами

по ноге. – Если бы это были галлюцинации, я бы, наверное, был в своей одежде? Почему я одет как они? Я ничего не понимаю!» – он потерянно сжал кулаки.

– Ты, Володя, как всегда прав, – с завидной весёлостью согласился пузатый. – Я ужасно голоден, – он похлопал по своему расплывшемуся животу.

Вся компания двинулась прочь, оставляя вдалеке деревянные дома с соломенными крышами. Всю дорогу отец Юлии молчал, оценивающе поглядывая на Льва, опираясь на чёрную лакированную трость рукой в белой перчатке.

«Он смотрит на меня, как Инна на потенциального жениха, – Лев, вжав голову в шею, смущённо кивнул. Владимир продолжал смотреть. – Да что такое? Я же не тюлень в зоопарке!».

– Ай! – Юлия, слегка подвернув ногу на скользком камне, вот-вот упала бы в грязь, но на вскрик девушки вовремя отреагировал Лев – он придержал её и, подав руку, помог уверенно встать.

«Действительно настоящая» – мужчина моментально отошёл. Владимир отвернулся и кивнул самому себе.

Обрюзгший дядя Юлии живо беседовал с ворчащим немолодым человеком с резкими чертами лица и козлиной бородкой, небрежно отмахивающегося в попытках остановить потоки самовлюблённых речей толстяка.

– Видели бы Вы, Павел Матвеевич, как меня обожают деревенские девки! Ноги целуют! – на этих словах мужчина ве-

село топнул, а Павел Матвеевич закатил глаза и едва слышно буркнул о неприличии обсуждения подобных тем при дамах.

«Я даже видел, при каких обстоятельствах... варвар» – Лев с отвращением вспомнил недавнюю картину.

– Сила и власть даны, чтобы защищать слабых и беспомощных. Вы, Михаил Владимирович, безбожник и грешник, – нахмутив брови с торчащими во все стороны волосами, шепчущий мужчина смерил суровым взглядом собеседника.

– Со мной ли Вам, Павел Матвеевич, толковать о Боге и грехе? Кандидатура Николая видится мне более подходящей для оной беседы, – Михаил, обратив внимание на изменения в морщинистом лице Павла, не без лукавого удовольствия засмеялся. Толстые губы расплылись в ещё более широкой гримасе, как только глаз Павла Матвеевича конвульсивно задёргался.

«Что же это за место?» – Лев попятил озадаченный взор в песок под ногами.

II

Поля с взошедшей рожью сменил пейзаж с аккуратно постриженной зелёной травой и великолепными красными цветами. Лев обратил внимание на то, как старательно отец Юлии пытался скрыть свою очарованность увиденным, но получалось плохо: глаза слишком ярко блестели, а черты лица сделались мягче.

– Миша, какой замечательный у тебя садовник, – Владимир внимательно разглядывал растения, крепко сжав трость.

– Англичанин, – гордо заметил толстяк, наслаждаясь комплиментами. В голове Льва не укладывалось, кем должен работать человек, чтобы иметь сад с садовником-англичанином. – А что Вы думаете, Павел Матвеевич? Не хотите ли сорвать несколько маргариток для сына? Любая неглупая дама оценит, – Михаил насмешливо посмотрел на засмущавшуюся Юлию, но тут же откашлялся и сделался серьёзней, почувствовав тяжёлый взгляд Владимира, однако лукавость в его выражении лица не исчезла.

Лев, осматривая новое место, тяжело вздохнул. Несмотря на то, что великолепный сад с аккуратными кустами и белокаменными статуями обнажённых дев завораживал своей красотой и помпезностью, мужчина не оставлял попыток понять хоть что-то.

«Пока я вижу только варваров, застрявших в ролевой иг-

ре».

– Николай сам попросит, если по какой-нибудь сверхъестественной причине все наши, – Павел Матвеевич особо выделил это слово, – завянут.

– Господа, – Владимир легко, но недовольно кивнул назад, в сторону большого сине-серого двухэтажного сооружения с необычной лепниной на стенах. Льву здание напомнило те усадьбы, которые он встречал на экскурсиях со своим классом.

Лев обратил взгляд туда же, куда и остальные. У белой арки он увидел остановившуюся великолепную белую лошадь с переливающейся иссиня-чёрной гривой.

«Здорово, ещё кто-то придёт. А ведь я пока запомнил только Юлию и мерзкого, постоянно смеющегося без причины Михаила».

– Николай! Наконец-то! Сегодняшняя встреча Вашего сына, Павел Матвеевич, с Львом Петровичем для меня долгожданное событие, – все присутствующие, кроме Льва, заинтересовавшегося этим выводом, пропустили мимо ушей слова ухмыльнувшегося толстяка.

Юноша прыгнул с коня и поправил, как показалось Льву издалека, ярко-синий фрак. Молодой человек шёл быстро, почти бежал к собравшимся у красного куста. Лев рассмотрел цветущее лицо без единого волоска под греческим носом и чётко очерченными губами, когда Николай подошёл ближе. Его чуть выше плеч волосы развивались на лёгком

ветерке, а тёмно-карие глаза игриво сверкали.

Лев наблюдал за реакцией присутствующих: Юлия заворожено следила за каждым движением приближающегося, в то время как её отец небезразлично, даже с неким раздражением встречал Николая. Михаил же от предвкушения встречи безудержно хлопал по плечу Павла, который, в свою очередь, подёргивая верхней тонкой губой, правой рукой отряхивал длинный кафтан, а левой лихорадочно теребил бородку, осматривая фрак сына.

– Добрый день, Владимир Владимирович, Михаил Владимирович, – Николай поклонился сначала хорошо сложенному темноволосому мужчине, а затем толстяку – абсолютному антиподу первого.

«Они братья? – Лев смерил их недоумённым взглядом. – Какую шутку с ними сыграла генетика»

– Здравствуйте, отец, – он также поклонился Павлу Матвеевичу, ворчливо бормотавшему об этикете одежды. Юноша повернулся в другую сторону. Он любовался Юлией, которая с нескрываемым обожанием примечала всякий его жест. – Bonjour, mon ange*, – Николай подошёл ближе к глубоко дышащей девушке, перебирающей пальцы, не обращая внимания на её отца. Лев заметил, что зрачки Владимира сузились, а ноздри раздулись, как у быка перед красной тряпкой.

«Как же я его понимаю! Как я с Инной... хотя Юлию тоже можно понять – этот Николай... достоин её внимания, –

Лев наблюдал за парочкой, к которой подошёл Владимир. – Чёрт, я не пойми где, вокруг незнакомые люди, а я оцениваю какого-то Николая» – Лев застучал пальцами по ноге.

От нападок со стороны отца Юлии юношу спас мерзковатый смешок:

– Коленька, посмотри, кого я пригласил на именины, – писклявым голосом сказал Михаил. – Лев Петрович собственной персоной!

Николай выпрямил спину и слегка наклонил голову вбок. Он лениво протянул руку представленному и холодно спросил:

– Как прошёл Ваш визит в Петербург?

«Мне ещё и разговаривать нужно? Да кто они такие?! Где Инна и её бездомный попутчик? Где моя кухня? – мужчина растерянно осматривал окружающих. – Да и какой я Петрович!».

Ноги Льва подкосились. Заикаясь, он едва смог выдать из себя:

– Мой визит...я... – по телу пробежала дрожь, – я не понимаю... я ничего не понимаю... – он то махал головой, то ошеломлённо глядел на Николая, чьи полузакрытые глаза распахнулись от подобного ответа: «Почему у меня не получается ничего сказать?!», – внутри бушевал ураган эмоций, но, по необъяснимой причине, внешне Лев выглядел почти спокойным – просто немного напуганным.

– Vous allez bien**, Лев Петрович? – Лев боязливо дёр-

нулся, почувствовав тонкие пальцы на своём плече.

Юлия с опаской положила руку полностью.

Мужчину напрягло всеобщее «оцепенение»: у Михаила Владимировича не пропала нахальная улыбка, но он молчал, не отпуская никаких колкостей, а его брат даже не заставлял дочь убрать ладонь. Павел Матвеевич, что-то невнятно прошептал, три раза перекрестился.

Льву стало невероятно душно, появилась ужасная сухость во рту. Мужчина, хрипя, почти шёпотом робко спросил:

– Кто вы такие? Почему вы все зовёте меня Петровичем? – Льва буквально затрясло, в глазах помутнело и он покачнулся, хотя удержал равновесие; мужчина почувствовал себя зверем, загнанным в клетку. Абсолютно беспомощным и жалким.

– По покойному Петру Кирилловичу, – голос Владимира Владимировича звучал успокаивающе. Отец Юлии поднял тяжёлый взгляд к небу. – Вы сегодня сильно ушиблись. Вас нужно показать местному знахарю. Он даст Вам нужные травы. Николай, не затруднит ли тебя съездить до Максима Максимовича?

– Да, конечно, – Николай ещё раз ласково посмотрел на смущённую Юлию, бросил недовольный взор на Льва и послушно пошёл к лошади.

– Дочка, прогуляйся по саду с Львом. Мы с Михаилом и Павлом Матвеевичем будем сидеть на той, – Владимир указал на скамейку возле одной из статуй, – лавочке, – в голос

отца вернулась прежняя сталь.

III

Расположившись на искусно вырезанной скамье, Владимир Владимирович наблюдал за дочерью, шагающей возле ушибленного кавалера.

– Вы так просто отпустили Юлию со Львом? Он, право, не в себе! – Павел Матвеевич ворчливо обратился к товарищу. – Не предполагал, что Вы, будучи человеком военным, прошедшим обе турецкие войны, сможете так легкомысленно...

– Именно будучи таким человеком, я никогда не позволил бы себе отпустить Юлию без гарантий её безопасности, – Владимир со строгим спокойствием перевёл взгляд на стоящего близ амбала, похожего на тех, что недавно тащили пороть мальчика из толпы. – Ефим, будь начеку.

– Как ты не уверен в будущем зяте, – Михаил Владимирович едко захохотал. Его пороссячьи глазки стали не видны из-за толстых округлых щёк, занимавших пол лица. Владимир Владимирович поправил воротник и угрюмо устался на зелёную траву. – Сорву-ка несколько веточек бузины для Николашки, – Михаил с трудом, ойкая, встал с поразительно крепкой скамьи, выдержавшей даже его, и направился к большому дереву с зелёно-жёлтыми цветами.

– Для Вас я бы сорвал оранжевую лилию, – Павел Матвеевич окинул смеющегося вдалеке Михаила недоброжелательно.

ТЕЛЬНЫМ ВЗГЛЯДОМ.

«Как я согласился на эту прогулку? Зачем? Ведь не соби-
рался же. – Лев еле заметно пожал плечами, – После объяс-
нения этого Владимира всё ещё непонятней... Боже, дальше
ясней не станет!» – из рассуждений о допустимом будущем
мужчину вывел тонкий приятный голос.

– Простите мою дерзость, Лев Петрович, но я имею
некоторые сомнения в том, что Ваше состояние связано с
несчастливым Егоркой, – Юлия слегка замялась, побоявшись
показаться наглой и грубой. – *Qu'est-ce qui vous préoccupe?**
– девушка осторожно посмотрела на собеседника, боясь сде-
лать хотя бы одно лишнее движение.

«И что мне ей отвечать? Что я спокойно пил чай, закрыл
глаза и очнулся в незнакомом месте? Что мне страшно?», –
во избежание других вопросов, он молчал.

Лев чувствовал себя растерянно. Он боялся и нервничал;
злился на самого себя от непонимания происходящего.

Мужчина за этот час прошёл, как он сам решил, и отри-
цание, и гнев. Время принятия ещё не настало, однако Лев
понимал: если он начнёт выставлять испуг напоказ, его точ-
но определят в психбольницу.

«Что же произошло? Что же происходит? Это явно не сон.
Всё по-настоящему», – Лев не издавал ни звука. Он лишь
шёл и смотрел вниз, пиная мелкие камни.

– Лев Петрович, не игнорируйте меня, – тёмные завитые

локоны, струясь, опустились на округлые плечи, хорошо заметные под тонкой розовой тканью.

«Как забавно она картавит. Я не сразу заметил» Простите... я не знаю, что Вам ответить, – хамелеон из Льва, откровенно говоря, был никакой – он совершенно не умел подстраиваться под ситуацию, поэтому прежде, чем вступить с кем-либо в контакт, мужчина решил дождаться хоть какого-нибудь изложения происходящего.

– Я опасаясь за Ваше здоровье, – Юлия приподнялась на носочки, чтобы дотянуться до самой низкой ветки груши. – Вы мне не чужой человек, – девушка сосредоточенно рассматривала сорванный белый цветок. – Вы можете мне доверять – мы сызмальства дружим, Лев Петрович.

«Да что такое?! Почему я становлюсь нем как рыба, когда хочу поправить отчество? Лев Петрович! Почему именно Петрович? – мужчину словно ударило током. – Как же я раньше не догадался! Все эти разговоры про время... Чёрт! Этого не может быть. Перемещения? Что за чушь! Ведь это невозможно, антинаучно!», – он запустил руки в жёсткие волосы и крепко их стянул. В груди сильно щемило, а сердце бешено колотилось, норовясь вот-вот выпрыгнуть, – Юля, у Вас есть зеркало? – Лев открыл плотно зажмуренные глаза.

Юлия беспокойно смотрела то по сторонам, обращая внимание на помрачневшего отца, рассматривающего камни под ногами, то на собеседника.

– Возьмите моё, – из-за спины послышался знакомый хо-

лодный голос. – Нам с Вами прекрасно известно, с каким опасением Юлия относится к этой вещице. Вы уже позабыли, Лев Петрович, как разбили её первое карманное зеркальце, а позже поранили себе ногу?

Лев не слушал безразличного к нему Николая. Он с невероятной скоростью выхватил аксессуар и, стараясь не выронить из трясущихся и вспотевших ладоней, раскрыл его.

«Это я? – в зеркале на Льва серо-зелёными глазами смотрел некто незнакомый. У этого человека был небольшой аккуратный нос, короткие светлые волосы и такая же светлая щетина под губой. Такой вид был полностью противоположен привычному: Лев никогда не оставлял волос на лице, а уже с пятого класса начал носить причёску по кончики ушей. По природе мужчина был шатеном (правда, после аварии с участием его родителей он подкрашивался в более тёмный оттенок, дабы скрыть частую седину) и имел карие глаза, – Что ж, даже неплохо. Мне нравится... не о том думаешь, Лёва», – крупной ладонью он нерешительно дотронулся до лица, не имевшего ни одной морщины. – Сколько же мне лет? – мужчина почти прокричал вопрос, который хотел произнести шёпотом, чтобы никто не услышал.

– Сильно же Вы ушиблись, – Николай скрестил на груди руки и равнодушно произнёс. – На два года старше меня, – Лев закрыл зеркало и издал истеричный смешок, скорчив несчастно-жалобную улыбку, а Николай раздражённо вздохнул и, полуотвернувшись, закатил глаза. – Мне два-

дцать один.

«Допустим...» А какой сейчас год? – слова вырвались произвольно; Лев замер, надеясь, что за ним не вызовут лекарей. Он выжидающе смотрел на Николая, опёршегося широкими плечами на бугристый ствол дерева.

– И что думает Владимир Владимирович? – Николай приподнял одну бровь и искоса оглядел Льва сверху вниз.

«Да он же меня терпеть не может! И за что? – Лев сверлил глазами зевающего Николая, – Меня ненавидит какой-то Николай, а я не знаю причину! Да и откуда мне знать? Я даже толком не понимаю, где нахожусь», – пульс участился, а зубы застучали друг о друга так, словно температура стояла по меньшей мере ниже минус одного градуса.

– Comment ça?*** – озадаченная Юлия вопрошающе обратилась к Николаю.

– Mon ange...*** – Николай резко приподнял корпус с дерева и взял холодные ладони девушки в свои. – Votre père ne vous a riendit?*****

«Значит, он ненавидит меня из-за того, что знает её отец, но не знаю я? Хотя... кто я? Лев Петрович. Или знает? Знал» – Лев решил не вмешиваться в данный разговор – это могло помочь прояснить ситуацию. Он напряжённо вслушивался в каждое слово.

Девушка, не отрывая ярко-голубых глаз от взволнованного Николая, убрала свои руки, слегка приподняв подбородок.

– Папенька смотрит, – Лев краем глаза посмотрел в сторону синего сооружения, где увидел Владимира Владимировича, удерживающего одним поднятым вверх пальцем оскалившегося мужика-амбала.

«Похоже, я их совсем не смущаю, – Лев ревностно нахмурился. – А должен? – в голове творился полный беспорядок: приходили то мысли о безысходности и безвыходности из ситуации, то о поведении окружающих людей, – Им настолько плевать на Льва Петровича? – он беспокожно поправил светлые жёсткие волосы, – Меня это должно волновать?»

– Юленька... – Николай сглотнул, – Неужели Вы не знаете, что отец решил выдать Вас за него? – мужчина качнул головой в сторону Льва.

«Что?! – Лев почувствовал, что ещё мгновенье, и его глаза точно выпадут из орбит, – Этого ещё не хватало! – холодный пот покрыл всё тело. Земля будто уходила из-под ног. – Нет. Её же звали... Поля? Аля?»

– Нет-нет, *ce n'est pas possible...* ***** – по бледным щекам потекли ручьи слёз, – Это просто невозможно! – Юлия закрыла руками уши и закачала головой, – Невозможно!

«Бедная, – Льву стало донельзя жаль эту несчастную девушку: он не мог спокойно наблюдать за тем, как ей плохо. Юлия себя абсолютно не сдерживала. Да и если бы захотела, то опухшие глаза и покрасневшее лицо говорили сами за себя, – Но ведь и я не знал!» Юлия... – Лев виновато опустил глаза, – Простите меня... «И почему я извиняюсь? Разве я

виноват? Я тоже в сложном положении, – девушка окинула его ненавистным взглядом. – Наверное, виноват... как и всегда».

– Ich hasse Sie*****, – Юлия говорила сквозь зубы. Она дышала глубоко, сдерживая очередной поток нахлынувших слёз, – von ganzem Herzen*****, – на лице читалось абсолютное презрение: оно не могло сравниться даже с неприязнью Николая. Уткнувшись руками в лицо, девушка убежала в сторону усадьбы – к отцу.

– Заберите свои травы и немедленно уезжайте, – Николай бросил под ноги потрясённому Льву бледно-коричневый мешочек.

Мужчина побежал вслед за своей возлюбленной, уже рыдающей близ Владимира Владимировича.

– Я Вас прошу, папенька! Я Вас умоляю! – Лев отчётливо слышал каждое слово, выкрикнутое Юлией. Владимир грозно глядел на дочь, и, прошипев, как показалось Льву, «довольно», схватил её за запястье и потащил к дверям большого особняка, не обращая внимания на проходящих мимо зевак с подносами.

«Прошло так мало времени, а я уже, пусть и невольно, причинил кому-то боль, – Лев опёрся на ствол дерева и медленно сполз на камень, полностью покрытый лишайником. – Может, меня оправданно не любили в школе? Может, я на самом деле плохой человек?».

Недалеко от Владимира стоял Николай, готовый устре-

миться вслед за Юлей и еле сдерживаемый уговорами отца.

В нескольких метрах от усадьбы заливался отвратительным хохотом наблюдающий за всеми Михаил.

«Полнейшая чушь. Машина времени, дворяне, крестьяне. Я не готов, я не хочу, – Лев закрыл ладонями глаза и помотал головой. – Закончится ли это?»

IV

– Только бы не сойти с ума, только бы не сойти с ума, – Лев навязчиво повторял одну и ту же фразу, идя к синему поместью и дрожащими руками еле удерживая лёгкий мешочек. – Только бы не сойти с ума, – лицо словно окаменело, глаза смотрели в одну точку, а ноги сами плелись вперёд. – Возьми себя в руки! – прошипел он сквозь зубы, крепко сжав кулаки.

Мужчина остановился у большой белой двери, которую открыл человек в тёмной одежде. Прежде чем зайти, Лев оглянулся по сторонам.

«Николай и его отец идут к... каретам? Ах, ну да, чему я удивляюсь, – из уст вырвался непроизвольный смешок. – Держи себя в руках! Хотя бы здесь, хотя бы сейчас» – он протёр покрасневшие от яркого света глаза и робким шагом вошёл в светлый коридор.

Женщина в платке проводила его до богато украшенного зала, где сидели, каждый в отдельном кресле, Владимир Владимирович с дочерью и её дядей. Отец с дочерью расположились на более симпатичных сиденьях – бежево-золотых, а хозяин дома, Михаил, довольствовался бледно-оранжевым, но таким же крупным, как и все остальные.

– А вот и виновник всего! – весело провизжал Михаил Владимирович.

«Опять этот противный смех! Какие необыкновенно гадкие люди могут существовать» – Льву ужасно хотелось закрыть уши, но он был уверен в неуместности этого жеста в приличном обществе. Мужчина обернулся к отцу Юлии.

– Владимир Владимирович... – найти нужных слов не удалось, но, собрав в кучу все свои знания отечественной литературы, мужчина пробормотал. – Изволите ли Вы мне... Могу ли я... ехать обратно? «Куда обратно? Что я несу?», – Юлия совершенно не обращала внимания на Льва, отвернувшись к картине с изображением людей в национальных костюмах: к женщине с покрытой головой и в расписном сарафане с другой стороны стола обращался черноволосый мужчина в красной рубахе.

«Поразительно, что в доме этого Михаила не исключительно статуи под античность» – Лев брюзгливо поморщился.

– Извольте спрашивать у хозяина, – Владимир с присущей строгостью и холодностью приподнял трость в сторону брата.

Лев повернулся и усталым взглядом посмотрел на ехидно глядящего толстяка Михаила.

– Благодарю, что приехал, Лёва! Без тебя я бы так не повеселился! – придерживаясь за живот, Михаил встал с кресла, подошёл ко Льву и начал трясти его ладонь своими толстыми и неуклюжими руками, не прекращая заливаться раздражающим смехом. – Таня, скажи там, что я приказал при-

готовить карету Льва Петровича! – женщина, проводившая ранее Льва до комнаты, кротко поклонилась и удалилась за поворотом.

Лев смотрел на Юлию, плотно поджимающую светло-малиновые губы. Девушка почти не моргала. Она сидела неподвижно, лишь заламывая пальцы, издающие звонкий хруст.

«И всё-таки она красивая, – Лев не переставал дрожать, но к страху прибавилось какое-то новое чувство. – Кого-то мне напоминает», – он всматривался в каждую мелочь на её лице: от длинных ресниц до мелких веснушек на носу с едва заметной горбинкой.

– Юлия, я много раз просил тебя перестать так делать, – Владимир серьёзно посмотрел на дочь, медленно опустившую тонкие пальцы на колени. – Надобно проводить гостя, – он встал, глядя исключительно на Льва. От этого взгляда стало ещё более неуютно.

Девушка молча поднялась, смиренно следуя за отцом. Она пару раз шатнулась по пути до кареты, который прошёл в абсолютной тишине, даже без колких замечаний Михаила, но всё-таки удержалась на ногах.

– Лев, завтра мы с женой и дочерью заедем к Вам. В такой обстановке мы не смогли обсудить важные вопросы, – трость чуть вошла в землю под напором владельца. Юлия вновь заплакала, закрывая опухшие глаза, казавшиеся в таком свете ещё более голубыми, руками. – Прекрати! – неожиданный вскрик Владимира, стальной и холодный, напугал сидящих

на дереве ворон, разлетевшихся с недовольным карканьем.

«Он про свадьбу?.. – Лев слегка улыбнулся, чтобы не показаться невежливым, но улыбка его выглядела фальшивой и даже отталкивающей из-за своей неискренности. Взгляд упал на заламывающую длинные пальцы девушку. Тонкое розовое платье слегка колыхал ветер, обтягивая стройную ногу и тонкую талию. Лев густо покраснел. – Хорошенькая... Господи, почему я вообще об этом думаю».

– До завтра, Лев Петрович, – заметив пристальное рассматривание дочери, Владимир немедленно обратился к Юлии: – Иди в дом. Тебя уже заждалась Марина Александровна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.